

В плену аромата сандала

(Сдвиг по фазе)

«Терпение, ибо награда в конце пути»

... Дверь плавно открывается, и я вхожу в теперь уже свою пятикомнатную квартиру на Набережной, доставшуюся мне, заместителю председателя очень важного комитета Государственной Думы, немалой кровью и унижением. Противно стонет больная челюсть, левая щека припухла как воздушный шарик, висящий над дверью магазина кубинской сантехники: «Входите, мы открылись!». Не важно, что открылись они ещё год назад, главное создать у потенциального покупателя ощущение свежести и праздника, чтобы вплывал он в торговую точку как первооткрыватель далёких земель, как Робинзон Крузо, как вдруг проснувшийся удивленный сомнамбула. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джини Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается,

потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.

Серьёзно мы настроены.

Приблизив мир к горнилу кратера.

К нему плывёт хохол Олесь,

Занывать мину хочет здесь,

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.

В Крыму людей спросили:

Хотите ли в Россию?

Вы ж в Украине были, ужели не заметили?

Крымчане с кружек пену сдули,

Плавник кефали отщипнули:

Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.

А мимо них плывёт Олесь.

Обмотан проводом он весь.

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.

Цветёт как рай Аджимушкой

Для лиц приезжих – дивный край!

В ракушечник обутые высокие заборы.

Вокруг заливы мелкие

И катакомбы ветхие,

И плоские как грудь таиландки горы.

А между тем, шахид Олесь

За русским газом в Крым полез

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стойчески захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отелюнявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная

ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джини Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех,

находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жёстью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый

ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.

Серьёзно мы настроены.

Приблизив мир к горнилу кратера.

К нему плывёт хохол Олесь,

Заныкать мину хочет здесь,

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.

В Крыму людей спросили:

Хотите ли в Россию?

Вы ж в Украине были, ужели не заметили?

Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму.
«Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки.
«Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!...»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не

знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джини Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Жи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю

лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему

видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.

Серьёзно мы настроены.

Приблизив мир к горнилу кратера.

К нему плывёт хохол Олесь,

Занывать мину хочет здесь,

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.

В Крыму людей спросили:

Хотите ли в Россию?

Вы ж в Украине были, ужели не заметили?

Крымчане с кружек пену сдули,

Плавник кефали отщипнули:

Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.

А мимо них плывёт Олесь.

Обмотан проводом он весь.

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.

Цветёт как рай Аджимушкой

Для лиц приезжих – дивный край!

В ракушечник обутые высокие заборы.

Вокруг заливы мелкие

И катакомбы ветхие,

И плоские как грудь таиландки горы.

А между тем, шахид Олесь

За русским газом в Крым полез

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стойчески захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаюсь отелюнявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джини Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Жи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рваных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к

наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жёстью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем,

наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.

Серьёзно мы настроены.

Приблизив мир к горнилу кратера.

К нему плывёт хохол Олесь,

Занывать мину хочет здесь,

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.

В Крыму людей спросили:

Хотите ли в Россию?

Вы ж в Украине были, ужели не заметили?

Крымчане с кружек пену сдули,

Плавник кефали отщипнули:

Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.

А мимо них плывёт Олесь.

Обмотан проводом он весь.

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.

Цветёт как рай Аджимушкой

Для лиц приезжих – дивный край!

В ракушечник обутые высокие заборы.

Вокруг заливы мелкие

И катакомбы ветхие,

И плоские как грудь таиландки горы.

А между тем, шахид Олесь

За русским газом в Крым полез

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу,

встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я подымаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джини Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Жи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акулы зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жёстью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнушимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого русского народа:

«Вернулся Крым в Россию.
Хотя и не просили.
Оставив туркам Сирию и Курдистан.
Толкнули укров к амерам.
Кто против, тех по камерам.
Китайца нежно обняли за хрупкий стан.
До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие

И катакомбы ветхие,

И плоские как грудь таиландки горы.

А между тем, шахид Олесь

За русским газом в Крым полез

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!...»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого

народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтеры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.
Оставив туркам Сирию и Курдистан.
Толкнули укров к амерам.
Кто против, тех по камерам.
Китайца нежно обняли за хрупкий стан.
До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,

И плоские как грудь таиландки горы.

А между тем, шахид Олесь

За русским газом в Крым полез

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джини Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, такая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу:

«Скандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акулы зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтеры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей

жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.
Китайца нежно обняли за хрупкий стан.
До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез

По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!...»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джини Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!...»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!...»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!...»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джины Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скорород» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульи зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры. Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

Люблю я этот аромат! Не в первый раз я вхожу в свой дом, свою крепость и каждый раз поражаюсь обволакивающей теплоте аромата, словно ты прижался лицом к голой груди Джинны Лоллобриджиды и слушаешь чарующую музыку сфер, макая сладкий круассан в чашку с горячим капучино... Такой запах должен быть в квартирах каждого народного депутата. Допустим, придут к вам ходоки из народа в лаптях фабрики «Скороход» и спросят строго: «Ну?!!!!». Я распахну свой вышитый павлиньими перьями иранский халат, разведу в стороны руки, втяну ноздрями чудный воздух и отвечу: «Сандал!». «Вау!!!» - изумятся они, тут же обмякнут, извинятся за беспокойство и уйдут восвояси одухотворёнными...

Устало падаю в кожаное кресло. Дотягиваюсь до хрустального стакана, стоящего рядом на столике, и прикладываю его к пламенеющей щеке. Другой рукой достаю из внутреннего кармана твидового пиджака смартфон.

«Гугл, открой шторы!».

Из дальних комнат словно тень входит одетая во все чёрное служанка, индонезийка по происхождению, с красивым именем Джи Мейл, и длинной палкой раздвигает тяжёлые шторы окон цвета утреннего какао с молоком. На кличку «Гугл» она не обижается, потому что я в общении с ней всегда добр и снисходителен, да и как можно обижаться на единицу со ста нулями? Не понимаю...

В окне сверкает рубиновым цветом родная пятиконечная звезда. Кремль все также великолепен! Его величавая мощь рванных, словно акульки зубы, стен предупреждает всех, находящихся волею судьбы вовне русской крепости, о необходимости крепко подумать и хорошенько подготовиться прежде, чем начинать её штурм. В России власть крепка, её нахрапом не возьмёшь. И не всякому еврею есть место в калашном ряду... Вот только в последнее время не все идёт так гладко лично для меня. Что-то вокруг моей персоны происходит. Кто-то этим хороводит. Неужели они думают, что я дам слабину и променяю лакомую должность, карьеру и уют на сомнительное удовольствие быть ренегатом? Рискованный гешефт, господа...

Я даю команду гуглу задвинуть велюровые шторы и пытаюсь расслабиться. Только начинаю дремать – звонок в дверь. Ничего не соображая, поднимаюсь с кресла, подхожу к наружной двери, отодвигаю булатные засовы... и тут же ругаю себя за это! На пороге двое, похожих на киношных ковбоев с кирпичными подбородками, громил, одетых в белые медицинские халаты. Два молодца - одинаковых с лица в чёрных ватно-марлевых повязках с изображением оскалившейся головы пантеры.

«Санитарно-эпидемиологический патруль. Ваш подъезд заражён опасным китайским вирусом «Дельта-Сяо-22». Проследуйте, гражданин, с нами для выяснения».

«Опять эти чертовы волонтёры!» - с ужасом думаю я и пытаюсь прикрыться дверью. Но силы не равны, и меня под ручки ведут в подвал.

Продираемся сквозь вечно протекающие, не смотря на высокий статус «депутатского» дома, водопроводные трубы и оказываемся перед обитой ржавеющей жестью невысокой дверью. Самый крупный из моих конвоиров нажимает на кнопку кем-то установленного домофона:

«Мезим, откройся!»

«Сезам, идиот!».

«Виноват.» - Мямлит амбал и толкает меня в открывшийся проем.

Я оказываюсь в небольшом, пахнущем подгоревшей яичницей и свежей плесенью, помещении. Меня сажают возле двери на старое, разваливающееся под собственным весом, стоматологическое кресло. Руки стягивают скотчем к его подлокотникам.

В центре, возле цветастой льняной занавески, из-за которой периодически доносятся мычание и стоны, отгораживающей угол комнатёнки от любопытных глаз, на возвышении из деревянных поддонов, с накинутым на плечи флагом Соединённых Штатов Америки, сидит верная дочь американской демократии - госпожа Клинтон: вся в перьях, шотландском килте и алых лабутенах на босы ноги, опирающиеся на почтовый ящик, напоминающий очертаниями саквояж турецкого лекаря. Слева от неё стоит письменный стол, накрытый голубой скатертью. Кипы бумаги и папок небрежно заполняют почти все его пространство. Справа на табуретке смиренно сидит сухой старичок, постоянно оглядывается по сторонам и настойчиво пытается с кем-то, одному ему видимому, поздороваться за руку. При этом лучезарно улыбается и хитро щурит блёклые подслеповатые глаза.

Хиллари, положив тетрадь в клеточку на разделочную кленовую доску, слюнявя после каждого написанного слова химический карандаш, пишет себе письма. Затем, наклонясь, кладёт их в почтовый ящик, тут же достаёт, прочитывает и удивляется написанному...

Внезапно в её трясущихся руках появляется банджо, на котором она умело играет с трудом гнущимися пальцами, и напевает на блатной манер незатейливую песенку собственного сочинения от имени простого российского народа:

«Вернулся Крым в Россию.

Хотя и не просили.

Оставив туркам Сирию и Курдистан.

Толкнули укров к амерам.

Кто против, тех по камерам.

Китайца нежно обняли за хрупкий стан.

До Керчи мост построили.
Серьёзно мы настроены.
Приблизив мир к горнилу кратера.
К нему плывёт хохол Олесь,
Занывать мину хочет здесь,
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
В Крыму людей спросили:
Хотите ли в Россию?
Вы ж в Украине были, ужели не заметили?
Крымчане с кружек пену сдули,
Плавник кефали отщипнули:
Наверное, Вы шутите, а мы и не заметили.
А мимо них плывёт Олесь.
Обмотан проводом он весь.
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру.
Цветёт как рай Аджимушкой
Для лиц приезжих – дивный край!
В ракушечник обутые высокие заборы.
Вокруг заливы мелкие
И катакомбы ветхие,
И плоские как грудь таиландки горы.
А между тем, шахид Олесь
За русским газом в Крым полез
По узкому фарватеру, по русскому фарватеру...»

В помещение входит чёрный улыбчивый человек чем-то похожий на Обаму. «Хиллари, прекращай русскую пропаганду! – Бросает он в сторону поющей лесбиянки. «Это - Байден. Демократ», - понимаю я и готовлюсь к худшему. Начинается допрос.

«Скажи мне, милый, жизни чёрных имеют значение?» - говорит вкрадчиво худой и гибкий как ветка лозы негр. - А жизни голубых? Было ваше вмешательство в наши выборы? Кибератаки на городские помывочные отделения, типа «сауна», дело рук Кремля? Почему ваш режим так сильно цепляется за традиционные ценности? В чем подвох? И главное, - его холодный нос упирается мне в левое ухо, - выдай мне военную тайну».

«Но я не знаю никакой военной тайны, мне по штату не положено, и, вообще, у меня плоскостопие - я не военнообязанный!»

Негр нахмурился как небо на картине Айвазовского, висящей без дела в музее Феодосии.

«Сейчас будут пытаться», - думаю я.

«Сейчас будем пытаться, - ласково говорит чёрный человек. – Пригласите Монику!»

Я начинаю истерически ёрзать в своём прокрустовом ложе, предвкушая особенную, иезуитскую, пытку: вот сейчас войдёт в эту убогую каморку такая скромная, с чистым открытым лицом, молодая девушка в ситцевом, нестираном годами, платье, проведёт влажным языком по своим пухлым губкам и спросит тихо и лукаво: «Который?» Обама-Байден укажет на меня длинным пальцем. Она медленно подойдёт к креслу, встанет между моих ног, стряхнёт спадающую прядь волос со лба... Я весь задрожу, пуще заёрзаю в кресле и стоически захриплю в лицо своим мучителям: «Чертовы буржуины, в конце-то концов, скажите мне, какую такую военную тайну вы хотите от меня услышать?! Я все расскажу, все расскажу, все!..»

«Фак с ней - военной тайной. Вам надо просто признать, что жизни чёрных имеют значение, всего-то», - отрешённо говорит госпожа Клинтон, пытаясь отслонявить с безымянного пальца правой руки синие разводы от химического карандаша.

«О нет, на это я пойти не могу. Это выше моего критического разума!»

Хиллари медленно спускается со своего возвышения, тушит дорогую кубинскую сигару о каблук и направляется, дефилируя, в мою сторону.

«О мой бог! Сейчас у неё начнётся трясучка Бинсвангера, - кричу в испуге я экзекутору, - и она треснет меня почтовым ящиком по голове! Я не хочу по голове! Спасите! Помогите!»...

По знаку чёрного человека, - до сих пор не могу понять: чем он так похож на Обаму, - «волонтёры» уводят её под руки за ширму. Занавески приоткрываются, и я вижу прикованного кандалами к батарее отопления крупного белого человека с красным от напряжения лицом, безумными навывкате глазами и кляпом во рту. Завидев меня он сильнее замычал, забился в бессмысленных конвульсиях, отчего его рыжая чёлка съехала набок, оголив металлические заколки. Он что-то хочет сказать, но ему не дают. Может быть он хочет по большому делу? Кто его теперь поймёт с кляпом-то во рту. Льняная ткань снова занимает своё место по центру, и доигрывание драмы одиноким актёром происходит уже за занавеской.

«Хорошо, даю тебе немного времени все осмыслить и принять правильное решение. До скорой встречи!» - говорит чёрный человек и со всего размаху бьёт меня справа в челюсть. Затем берет под руку уткнувшегося в угол между стенами и не знающего как выйти из создавшейся ситуации старика. Вдвоём они также растворяются за ширмой. Два амбала развязывают мне руки и ведут к выходу из подвала. Я не заставляю себя упрашивать: надо спешить пока не показалась Моника!

Обессиленный и морально истощенный я поднимаюсь по лестнице на свой этаж, подхожу к двери квартиры... Оглядываюсь, и в зеркале, висящем на стене у двери лифта, вижу себя, сидящим за компьютером, вертящимся на стуле из-за намечающегося геморроя, парящим вейп и одновременно набирающим этот текст. Моё отражение поднимает голову и, продолжая печатать, обращается ко мне:

«Ну, что, все пишешь, пишешь? Кому и что ты хочешь этим доказать? Потешить эго или усмирить писательский зуд? Донести до масс крупницу истины, случайно забредшую в твой мозг? Так все уже было, меняются только имена, времена и явки... Все поэтические изыски базируется на скупом количестве чувств и потребностей человека. Известно сколько грамм площадной пыли на каменном балконе резиденции Папы Римского, сколько лобковых вшей было у тридцать третьего президента США Гарри С. Трумена...

Остаётся уповать на какую-нибудь глубокомысленную бессмыслицу как, например, выражение: смарагдовый рубин - словосочетание в русском языке не встречающееся, полная околесица: красный рубин с оттенком зелёного (рубин по определению должен быть оттенком красного и никакого другого), но в устах поэта оно создаёт образ человека

обеспеченного, властного и сильного, но способного, в случае необходимости, расширить свой спектр восприятия мира и чужого мнения ради достижения поставленной цели; не сноба, немного фронта, любителя природы или что-то около этого. Такие «смарагдовые рубины» есть почти у каждого служителя пера, особенно много у классиков, за что, собственно, мы их и любим: за нестандартный подход, новые краски обыденного, парадоксальные смыслы само собой разумеющегося. Но ... и это все слова, слова; слова, затёртые до дыр...»

Отражение пыхнуло в мою сторону клубами пара, скабрёзно улыбнулось и подмигнуло.

«Думаешь, это ты только что придумал красивую метафору про затёртость слов? Не обольщайся. И её уже затёрли поэтишки в своих астенических стишках. Ты этого не знал, потому что мало начитанный, ленивый графоман... Все было, все будет...

Даже сейчас, когда ты судорожно, чтобы не упустить ускользающую мысль, набираешь текст, с которым я, твоё отражение, обращаюсь к тебе – человеку, уже когда-то кем-то был написан, высказан, пропет. Читайте Экклезиаст, и прекратите, наконец, стучать по буквам, господа! Извини, накопело. Прощай, у меня от тебя изжога...»

Отражение исказилось, зарябило, булькнуло и кривляясь исчезло...

Обречённо тяну на себя бронированную дверь. Она плавно открывается. В просторном, затенённом коридоре по-прежнему пахнет умопомрачительным запахом сандала...

18.01.2024г.